

Глава 10

После случившегося Яо Юй окончательно приуныл. Он решил, что отныне самым разумным будет не предпринимать вообще ничего — так меньше шансов совершить оплошность и схлопотать нагоняй сразу и от матери, и от Сун Ляна.

Убедив себя в этой сомнительной мудрости, юноша принялся спускать оставшиеся карманные деньги на всякую ерунду. Слова Госпожи Чжао о том, что она выставит его из дома, он и вовсе не принял всерьёз.

А вот Госпожа Чжао сидеть сложа руки не собиралась.

Она твёрдо вознамерилась вытолкать сына на вольные хлеба. Во-первых, это дало бы Сун Ляну возможность остыть, а во-вторых, Яо Юй в одиночку точно не справится. Он неизбежно станет приходить домой, жаловаться на тяготы и взывать к жалости — глядишь, сердце Отца Яо и отмякнет, и он перестанет так явно потакать старшему сыну.

Насколько она знала, чувства старика к покойной матери Яо Аня были весьма посредственными, да и сам Яо Ань с детства не отличался особым обаянием. С чего бы главе семьи так слепо за него держаться?

Продумав всё до мелочей, Госпожа Чжао перешла к действиям. Несколько дней подряд она ходила мрачнее тучи, всем своим видом выказывая супругу недовольство.

Поначалу тот чувствовал лишь лёгкий укол совести.

«Позлится старуха немного, — думал он, — выплеснет желчь, да и успокоится»

Однако время шло, а тучи не рассеивались. Старик Яо начал невольно сомневаться: неужели он и впрямь перегнул палку?

Иначе с чего бы всегда покладистая Госпожа Чжао вдруг стала такой бесчувственной и суровой?

Наконец, когда он три дня кряду не видел на столе ничего горячего, старик не выдержал и окликнул её:

— То, что случилось — моя вина, признаю. Но ты дуешься уже столько дней... Не пора ли сменить гнев на милость? Жить-то как-то надо.

Госпожа Чжао холодно взглянула на него:

— Сменить гнев на милость? Ты думаешь, мне просто нужно было выпустить пар? Их проблемы не решены, и рано или поздно беда случится снова. Какой толк от моего прощения?

Отец Яо понял, что миром дело не кончится.

— И чего же ты хочешь?

Госпожа Чжао едва заметно шевельнула губами:

— Раздела семьи.

Когда она заговорила об этом впервые, старик рассердился и наотрез отказал. Но сейчас, под гнётом обстоятельств, он уже не смел открыто возмущаться. Однако и соглашаться не спешил:

— Сейчас только-только сменилась династия, в стране неспокойно, кругом смута. Если сейчас разделить хозяйство и, не ровен час, нагрянут мародёры или солдаты, ни Яо Ань, ни Яо Юй не смогут сберечь то небольшое, что мы нажили.

Но Госпожа Чжао сегодня вовсе не собиралась делить имущество. Она знала: при нынешней любви отца к старшему сыну Яо Юю не достанется и ломаного гроша.

Она заявила, что ей нужен лишь официальный раздел, а вопросы собственности пока можно оставить как есть. Сейчас делить добро было невыгодно, лучше подождать, пока ситуация изменится в их пользу.

«Разделить семью, но не трогать имущество?»

Старик удивился такому предложению, но быстро согласился. При этом он не преминул добавить:

— Смотри, как бы потом жалеть не пришлось.

Зная, как супруга души не чает в младшем сыне, он был уверен, что и через полмесяца она прибежит просить его обратно.

Сам он против не был. Старик понимал, что стареет, и если раньше считал непутёвым только Яо Юя, то за последние дни убедился: оба наследника — те ещё подарки. Пусть лучше семейное добро остаётся в его руках, так оно надёжнее.

Госпожа Чжао неожиданно смягчила тон:

— Старый господин, вы ведь ещё в самом расцвете сил, к чему сейчас говорить о разделе наследства? Всё, что есть в доме, нажито вашим тяжким трудом. Кому захотите, тому и отдадите. Просто между братьями сейчас слишком много раздоров, под одной крышей им не ужиться — в доме не будет покоя. Пусть лучше живут порознь. Издалека и родня милее. Побудут вдаль друг от друга, остынут, глядишь, и былая дружба вернётся.

Этими словами она и самолюбие мужа потешила, и ясно дала понять: Яо Юй на его сундуки не зарится. Более того — сейчас, кроме самого хозяина, на них никто претендовать не смеет. Отцу Яо стало так благодно на душе, что он разом подобрел.

Пусть делает как знает.

Махнув рукой, он официально разрешил Яо Юю и Сун Ляну съехать.

Сам Яо Юй узнал об этом известии, когда счастливо доедал обед.

— Ик! — юноша не рискнул сразу бежать в свою комнату, опасаясь столкнуться с Сун Ляном, который в последнее время напоминал разгневанное божество. — Мам, ты ведь шутишь?

Госпожа Чжао была предельно серьезна:

— Мы с отцом всё обсудили. У Яо Аня и Сун Ляна было прошлое, а теперь он — твой фулан. Жить всем вместе — только людей смешить. К тому же ты уже взрослый, обзавёлся семьёй, пора и честь знать, своим домом жить. Никаких пышных проводов не будет: собери вещи и переезжай.

Поскольку имущество не делили, никакой формальной церемонии не требовалось.

Яо Юй всхлипнул:

— Мам, это из-за того, что я такой безответственный?

Он не видел другой причины. В последнее время мать то и дело попрекала его глупостью и бесполезностью.

Госпожа Чжао легонько ущипнула его за щеку:

— Глупости говоришь. Как мать может отвернуться от сына?

Она знала свое чадо как облупленного.

Глупый, наивный, с «лишним винтиком» в голове — надеяться на то, что он вдруг переменится, было бессмысленно. Но если даже родная мать станет его презирать, этот несчастный дурачок в целом свете никому не будет нужен.

Она не ждала от него подвигов — сколько ни учила, всё без толку, характер не исправишь.

— Я уже нашла вам жильё. Сегодня же переберётесь туда с Сун Лянем.

С этими словами она развернулась, чтобы показать ему дом.

Яо Юй смотрел ей в спину, часто моргая.

«Это что, не хитрая уловка? — он не верил своим глазам. — Матушка и впрямь меня выставляет? Неужели она сошла с ума? Как я буду выживать один? Как я смогу прокормить себя и Сун Ляна?»

— Мама, мама! — звал он, не веря своим ушам.

Но как бы жалобно он ни причитал, сердце Госпожи Чжао оставалось твёрдым как камень. Она выбрала для них хижину на краю деревни. Снаружи домик выглядел неказистым, но на деле был крепким. Сзади протекал ручей, так что с водой проблем не предвиделось.

Место находилось не слишком далеко от дома Яо, так что она могла частенько наведываться и приглядывать за ними.

От своего порога женщина могла даже видеть дымок из их трубы. Она решила для себя: если два раза подряд в положенный час над хижинкой не покажется дым, она тайком принесёт сыну еды.

Суэта в семье Яо не укрылась от глаз соседей.

Сейчас было время затишья в полевых работах, и люди часто собирались погреться на солнышке и перемыть косточки знакомым. Разумеется, новости из дома Яо стали главной темой для пересудов.

— Вот увидите, всё добро в итоге достанется Яо Аню, — судачили одни. — Младшему против старшего и слова вставить не дадут.

— Зато у Яо Юя мать — огонь! — возражали другие.

— Да из-за её баловства он и вырос таким никчёмным.

— И то правда. Отец один, а сыновья — как небо и земля. Один — с руками, другой — пустоцвет.

— Выставили парня за порог... Ох и несладко ему придётся.

— Госпожа Чжао и впрямь оказалась крепка на сердце.

— А как иначе? Младший-то нежнее девицы, в деревне мало кто с ним в холености сравнится. Как он выживет-то?

— Тише вы! С ним же Сун Лян!

При упоминании Сун Ляна все невольно оживились, предвкушая зрелище.

— Ну, с Сун Лянем нашему Сяо Юю точно конец.

— Тот его в бараний рог согнёт. Закончились для парня золотые деньки, теперь только слёзы лить будет.

Вскоре разговор переключился на старшего брата.

— Хоть Яо Ань и поступил некрасиво, а всё же на нём дом держаться будет.

— Верно. Хоть и гуляка, и в душе не так прост, как кажется, зато при доме, при земле, да ещё и ремесло в руках. Пропадёт он, как же!

— Да, в семье Яо только на него и надежда.

— В конце концов, мужчине немного погулять — дело житейское. Если в целом глянуть, он получше многих будет.

— И то правда...

Яо Юй чувствовал, как земля уходит из-под ног. Ему предстояло покинуть отчий дом и начать самостоятельную жизнь. Мать, желая сделать его мужчиной, силой вытолкнула его из гнезда. Отныне он должен сам добывать свой хлеб.

«Но я же ничего не умею!»

Юноша посмотрел на свои длинные, изящные пальцы, белизне которых позавидовала бы любая женщина, и молча поплёлся вслед за Сун Лянем к новому жилищу, которое им определил отец.

— Поверь матери, — наставляла его Госпожа Чжао. — Сначала поживи там. Пока я не позову — не возвращайся. Слушайся меня, и в будущем всё у тебя будет хорошо.

Она полагала, что объяснила всё предельно ясно, но Яо Юй понял её по-своему.

В его ушах эти слова звучали так: мать всё ещё верит в него и надеется, что он воспользуется этим шансом, чтобы закалить характер, стать самостоятельным и обрести те добродетели, которые ценят люди.

На самом же деле Госпожа Чжао давно не питала на его счёт никаких иллюзий.

Она знала характер сына и понимала: ломать его — значит обрекать на страдания. На это у неё не хватало духу.

Её наказ «не возвращаться» означал лишь одно: она собиралась вступить в схватку с Яо Анем и не хотела, чтобы Яо Юй путался под ногами и мешал ей. А когда придёт время позвать его назад, она рассчитывала, что он подыграет ей, изобразит жертву и поможет выманить у старика побольше наследства.

Она планировала сама отвоевать для него то, что причиталось ему по праву.

Госпожа Чжао и представить не могла, что наступит день, когда её «непутёвый» сын действительно сможет своими силами пробить себе дорогу в жизни. И что он станет опорой не только для Сун Ляна, но и для неё самой.

<http://bllate.org/book/15314/1354418>